

Anna Chudzińska-Parkosadze
Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu

ПОИСКИ «НОВОГО ЧЕЛОВЕКА» В ПРОЗЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Вопрос нового человека в прозе Андрея Платонова следует рассматривать не только как отдельный образ конкретного героя, а как личность, составляющую одно целое с народом (не конкретным, а символическим). Только в перспективе Человечества можно рассматривать проблему платоновского героя. Для автора *Чевенгура* «новый человек» — это частица народа «прочих». Сам Платонов так писал о человеке нового времени: «Типичный человек нового времени это голый — без души и имущества, в предбаннике истории, готовый на всё, но не на прошлое»¹.

В творчестве А. Платонова наблюдается типологическая эволюция героя — от типа народного «полоумного» философа (*Маркун*, 1921), через образы передовых молодцов, возглавляющих народ в «общем» деле (*Епифанские шлюзы*, *Чевенгур*, *Котлован* — вторая половина 20-ых годов), заканчивая портретами смиренных женщин, склонных к самопожертвованию (*Счастливая Москва*, *Песчаная учительница*, *Фро* — 30-е годы). Несмотря на то, что платоновские герои плотно связаны с народом душой и телом (вместе с ними переживая все испытания и надежды), то их характерной чертой всегда является одиночество и поиски своего места на земле. Место платоновского передового человека в советском обществе передвигается постепенно от центра к его перифериям.

В настоящей статье мы анализируем эволюцию образа героя и поиски писателем «нового человека» на примере нескольких лишь произведений — рассказа *Маркун* (1921), романа *Чевенгур* (1928), романа *Счастливая Москва* (1937) и рассказа *Фро* (1936). По нашему мнению, портреты главных героев этих произведений отражают главные этапы и направления идейных поисков Платонова. Они относятся к разным

¹ А.Платонов: *Деревянное растение. (Из записных книжек)*. Москва 1990, с. 6.

периодам творчества писателя — к его началу, середине и завершающей фазе. Естественно, эта статья не в состоянии полностью и детально представить вопрос эволюции платоновского героя. Мы не включили в неё характеристик героев из военных рассказов, рассказов о детях и сказок, которые относятся к последнему этапу творчества писателя. Настоящая статья задумана как эскиз к дальнейшим исследованиям данной темы не только автором, но и другими литературоведами.

Мир платоновского народа и мир героя находятся в динамическом равновесии. Внутренняя гармония платоновского героя зависит от его единства с народом, представителем которого является он сам, и с миром в целом. Всё происходящее в мире воспринимается остро, лично, не как случайность, а как нарушение внутренней гармонии².

Некоторые платоноведы называют Платонова «сторонником коллективных начал жизни», поскольку он оставался в уверенности, что народы, прожив поодиночке, получив опыт самостоятельной жизни, вновь сойдутся вместе в одной семье, но построенной уже на других началах³. Следовательно, образ «прочих» можно признать коллективной идеей Платонова. Платоновский «народ» — это небольшая горстка людей⁴, которая в сознании главного героя и читателя приобретает масштабы нации, но при этом остается одной семьей.

Как справедливо отмечают некоторые литературоведы, «мерцающий свет народного идеала» входит в общую художественную концепцию платоновских произведений⁵. В платоновском мире вся «сокровенная Россия» вместе с героем ищет в революции творческий смысл через страдание⁶. Однако, это не просто Россия ищет свой рай в революции, а народ во вселенском смысле, ищет свой путь к раю. Поскольку не удалось найти смысл и счастье жизни в «обратной» религии — коммунизме, то платоновские герои пытаются осмыслить свою жизнь по космическим принципам, становясь тем самым «религиозными» людьми.

² Т.А. Никонова: *Человек и революция («Севастополь» А.Мальшикина и «Сокровенный человек» А. Платонова)*. В кн.: *Творчество А.Платонова. Статьи и сообщения*. Ред. В.П. Свительский. Воронеж 1970, с. 160.

³ П.А. Бороздина: *«Восточная» проза Андрея Платонова*. В кн.: *Андрей Платонов. Проблемы интерпретации*. Ред. Т.А. Никонова. Воронеж 1995, с. 118, 121.

⁴ А.Е. Кедровский: *Христианские и социалистические идеалы в повести А. Платонова «Джан»*. В кн.: *Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век*. Ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж 2001, с. 109.

⁵ В.П. Скобелев: *Поэтика народирования в повести А.Платонова «Котлован»*. В кн.: *А.Платонов. Исследования и материалы*. Ред. Т.А. Никонова. Воронеж 1993, с. 70.

⁶ Т.А. Никонова: *Комментарий к повести А.Платонова «Епифанские шлюзы»*. В кн.: *Творчество А.Платонова. Статьи и сообщения*. Ред. В.П. Свительский. Воронеж 1970, с. 210.

В мифологических представлениях идея «нового человека» связана с лунарной системой верований. Мифологический новый человек пережил водную катастрофу, вызванную Луной, смерть и возрождение в рамках обряда посвящения. Мир, подчинённый Луне, это не только мир перерождений и противоположностей, но также и мир страданий и «истории». Здесь нет вечности, тут действуют законы перемен. Но этот человек на протяжении веков пытается преодолеть дуализм перемен, и преодолеть тем самым собственную судьбу, т.е. свой «лунарный образ существования»⁷.

Источник пробуждения и возбуждения сознания платоновских героев — внешние силы Космоса, Вселенной. Оттуда исходит у Платонова соединение мотива истины с мотивом странничества, осмысленного как поиск смысла отдельного и общего существования⁸. Герои отдают свои жизни людям, выполняя поставленные перед ними задачи. Платонов, как подчёркивает П.А. Бороздина, «счастье существования» героев связывает со стремлением преобразовать жизнь и «сеять души» в людях⁹. Платоновские герои — типы «задумавшегося человека», стихийного философа из народа. Размышления о собственной жизни приобретают у них вселенский масштаб¹⁰.

Маркун из одноименного рассказа Платонова, представляет собой тип философа-юродивого, который в тишине и одиночестве сельской ночи пытается осмыслить своё и общее существование. Сопоставление человек — Вселенная типичный идейный приём писателя. Знаменательно, что в следующих произведениях он будет использовать символику ночи как тьмы незнания и одновременно вселенской тайны, в качестве постоянного лейтмотива. Платоновские герои это типы юродивых, так часто встречаемых в русской литературе. Люди считали Маркуна дураком, но «не тем дураком, какого любят и жалеют, а тем, которого ненавидят»¹¹. Несмотря на ненавистное отношение людей

⁷ М. Eliade: *Traktat o historii religii*. Przeł. J. Wierusz Kowalski. Łódź 1993, s. 180–182. brak nazwiska tłumacza

⁸ Е.Г. Мущенко: *Художественное пространство «правды» в творчестве Андрея Платонова*. В кн.: *Андрей Платонов. Проблемы интерпретации*. Ред. Т.А. Никонова. Воронеж 1995, с. 60.

⁹ П.А. Бороздина: *Жить для других (Рассказы А.Платонова «Родина электричества» и «Песчаная учительница»)*. В кн.: *Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век*. Ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж 2001, с. 149.

¹⁰ М.А. Дмитриевская: *А.П.Платонов и В.А.Поссе*. В кн.: *Андрей Платонов. Проблемы интерпретации*. Ред. Т.А. Никонова. Воронеж 1995, с. 47.

¹¹ А. Платонов. *Маркун*. В кн.: А. Платонов: *Собрание сочинений*. Т. 1. Москва 1998, с. 210. Все дальнейшие цитаты приводятся по этому изданию, в тексте, в скобках, указаны инициалы заглавия и номера страниц.

к себе, он испытывал к ним любовь. Целью жизни Маркуна стало знание.

Именно в этом раннем рассказе Платонов начертил тот путь к правде, по которому пойдут все его герои. Путь к правде ведёт от познания самого себя («разве ты знаешь в мире что-нибудь лучше, чем знаешь себя» (М, с. 206)), через любовь к людям («уверься же в других и увидишь многое, увидишь всё, ибо мир никогда не вмещался в одном человеке» (М, с. 206)), до отказа от самого себя. В финале рассказа Маркун испытывает откровение и осознаёт смысл своей жизни: «Я оттого не сделал ничего раньше [...], что загораживал собою мир, любил себя. Теперь я узнал, что я — ничто, и весь свет открылся мне, я увидел весь мир, никто не загораживает мне его, потому что я уничтожил, растворил себя в нём и тем победил. Только сейчас я начал жить. Только теперь я стал миром. Я первый, кто осмелился» (М, с. 211). И хотя он вместо Бога поставил человека, то его посвящение человечеству, «растворение» в нём, рисуется наподобие бесконечной любви Христа к человеку.

Маркун открывает плеяду героев-спасителей человечества, которые все свои силы и таланты будут тратить на преодоление тьмы незнания в мире. Платоновские герои будут с тех пор эволюционировать от простых народных философов-юродивых, к учёным-инженерам, молодым коммунистам и социалистам, воспринимающим своё звание в истинно христианских рамках. Герой *Чевенгура* — единственного в творчестве Платонова оконченного романа — Саша Дванов, также является отражением человеческого лика Христа.

Моника Мадей-Цетнаровска утверждает, что Саша Дванов оказался не Христом. Человеком, а как первый Адам — человеком, который является носителем смертного начала¹². Однако, как подчёркивают другие исследователи, сочувствие, которое испытывает Саша по отношению к другим людям и способность прощать их делает его похожим на святого¹³. Литературоведение концентрирует главное внимание на образе Саши Дванова, и его связь с Иисусом Христом. Евгений Яблоков, например, утверждает, что Саша тождествен Христу¹⁴. По его мнению, свидетельствует об этом эпизод ранения Дванова анархистами в ногу. Исследователь при этом основывается не на Евангелиях, а на народных преданиях об Иисусе Христе.

¹² M. Madej-Cetnarowska: *Echo idei „wspólnego czynu” Nikołaja Fiodorowa w powieści „Bracia Karamazow” Fiodora Dostojewskiego. Historia niespełnionych nadziei*. «Slavia Orientalis» 2003, № 4, с. 523.

¹³ С.Г. Семёнова: *Николай Фёдоров: Творчество жизни*. Москва 1990, с. 368.

¹⁴ Е.А. Яблоков: *Принцип художественного мышления А. Платонова «и так и обратно» в романе «Чевенгур»*. «Филологические записки» 1999, № 13, с. 35.

Другие исследователи уже не столь категорично утверждают, что Христос и Дванов — одно. Юрий Пастушенко, например, указывает на «нетождественные стороны образа героя»¹⁵. С одной стороны, исследователь приводит сцену призвания Двановым крестьян к новой жизни, на «нагорной дороге», как пример его сближения с Христом, но, с другой стороны, воздерживается от категорических утверждений на эту тему. Свои выводы исследователь строит на предпосылке, что мир, в котором действует Дванов, наполовину реальный, а наполовину мифологический¹⁶. Однако исследователь не уточняет, какую мифологию имеет в виду, хотя на основании мотивов, на которые ссылается, можно сделать вывод, что это, скорее всего, опять народные сказочные предания.

Александр Ливингстон, в свою очередь, определяет сходство в образах Дванова и Христа, как «некое лирическое подобие Христа»¹⁷. В своей статье исследователь обращает внимание на поиски Двановым истины в мире. Следовательно, Дванов ищет слова для выражения своего ощущения Вселенной¹⁸. Саша вслушивается в зов (гул), ощущая, что настоящее понимается не речью, а слушанием. Исследователь подчёркивает, что Саша носит в себе «новый мир», который не может быть рассказан, а только сделан¹⁹.

Правда, что среди чевенгурских героев только Дванов пришёл «в меру возраста Христова», о чём свидетельствует множество мотивов и эпизодов в романе. Во-первых, символические сцены воскресения Дванова (состояние болезненного забвения — между жизнью и смертью, мотив четырёх ран, мотивы Пасхи, мотив Преображения «нагорный путь» — когда Дванов призывает крестьян к новой жизни). Выражаемое им сочувствие людям и целому миру, указывало ему путь, по которому когда-то шёл Иисус Христос: «Саша не мог поступить в чём-нибудь отдельно: сначала он искал подобие своему поступку, а затем уже поступал, но не по своей необходимости, а из сочувствия чему-нибудь или кому-нибудь»²⁰.

Как Иисус шёл к своему Отцу на небесах, так и Дванов стремился сблизиться со своим ушедшим из жизни отцом-рыбаком. Он чист

¹⁵ Ю.Г. Пастушенко: *Мифологическая символика в романе «Чевенгур»*. «Филологические записки» 1999, № 13, с. 33.

¹⁶ Там же, с. 30.

¹⁷ А. Ливингстон: *Платонов и мотив косноязычия*. В кн.: *Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век*. Ред. Е.Г. Мушченко. Воронеж 2001, с. 209.

¹⁸ Там же, с. 209.

¹⁹ Там же, с. 210.

²⁰ А. Платонов: *Чевенгур*. В кн.: А. Платонов: *Собрание сочинений*. Москва 1998, с. 38. Все дальнейшие цитаты приводятся по этому изданию, в тексте, в скобках, указаны инициалы заглавия и номера страниц.

как «дитя»²¹. В нём сохранилось чистое детское чувство к людям и к родителям. Дванов относился к женщинам сдержанно, воспринимал их больше как матерей, чем как объект половой страсти (Ч, с.164). Дванову чужды: гордость, самолюбие, себялюбие, эгоизм. Он смог разбудить сочувствие у других («прочих»), а затем побудить их к общему труду, что в последствии и вызвало у них ощущение родства и способствовало образованию общины.

Сердце является тем мотивом, который ведет к разгадке главного героя. А. Ливингстон обращает внимание на тот факт, что у Дванова чувства и мысли происходят в сердце, а не в голове, и поэтому он называет Сашу «человеком, думающим сердцем»²². Иной исследователь, Александр Дырдин, утверждает, что сердце в произведениях Платонова — психофизическая реальность²³. Согласно Дырдину, сердце у Платонова, многозначный символ, который объединяет и тело, и душу, и дух. В *Чевенгуре* разум изгнан из тела сердечной теплотой и оказывается оценивающим субъектом. Исследователь подчёркивает, что идея сердца связана с символами национальной словесности, такими как: реальность воскресения в любви к миру и людям, очищение сердца как залог совершенной жизни. В заключение своих выводов Дырдин пишет, что сердце у Платонова это абсолютный центр человеческой личности, который стал основной христианско-философской категорией писателя²⁴. Стоит добавить, что уже в *Эфирном тракте* платонов предостерегал перед проявлениями активности человека, которая не приводит к «усилению жизни». Писатель, продолжая считать разум реальной действительной силой, обнаруживает значительный творческий потенциал и в сердце человека²⁵. Повествователь сообщает нам, что Дванов не имел «брони над сердцем» (Ч, с. 42), т.е. его сердце было «незакрытое верой» (Ч, с. 43). Он не до конца верил в Бога, и поэтому в его сердце отсутствовал «умственный покой» (Ч, с. 43). Дальше говорится о желании Саши узнать правду о мире. В *Чевенгуре* не случайно говорится о том, что Дванов много читал в свои молодые годы, но книжное знание оказалось бесполезным в его жизни. Единственным желанием от прочитанного, зародившимся

²¹ Дитя как образец совершенства относится к Евангелию и словам Иисуса, который наказывает людям «быть как дитя». Таким образом, дитя это и источник, из которого надо черпать, и конечная цель саморазвития.

²² Там же, с. 208.

²³ А.А. Дырдин: «Философия сердца» у Тихона Задонского и Андрея Платонова. В кн.: *Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век*. Ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж 2001, с. 214.

²⁴ Там же, с.217.

²⁵ Н.М. Малыгина: *Эстетика Андрея Платонова*. Иркутск 1985, с. 31–32.

в Дванове, было познание истины, правды о мире. Он хотел «услышать его собственное имя, вместо нарочно выдуманных произведений» (Ч, с. 43). Дванов хотел заполнить онтологическую «пустоту», которую чувствовал в своём теле.

Любопытно, что в начале романа писатель применяет инверсию, благодаря которой сразу (ещё перед началом «путешествия с открытым сердцем») мы можем определить дальнейшую судьбу Саши Дванова. Сначала читатель узнаёт, что хотя Саша много читал, то в перспективе целой жизни героя окажется, что «зря горела лампа в юности Александра Дванова, освещая раздражающие душу страницы книг, которым он позднее всё равно не последовал» (Ч, с.42). Затем следует мысль о значении сердца в процессе познания мира Сашей. Наконец, Захар Павлович выговаривает последнее, что Сашу ждёт: « — И этот в воде из любопытства утонет» (Ч, с.43). При попытке осмысления судьбы Дванова, важно отметить авторский тезис о том, что любая жизнь без веры обречена на поражение, поскольку только путём веры можно обратить знание в мудрость²⁶. Как отмечают некоторые платоноведы, оппозиция жизнь/книги и книги/слова переживается практически всеми центральными героями произведений Платонова 20–40-х годов наглядно показывая тем самым, что страстный интерес и любопытство к книжному слову сопровождается сомнение в его истинности²⁷.

Платонов искал своего героя — «нового человека», в мифологических представлениях. Даже если можно говорить о подобии Дванова Христу, то образ Христа обозначает образец «идеального человека», а не основоположника христианской религии. Христос — это идеал, совмещающий в себе миф о богочеловеке. Идея богочеловека многогранная. Она связана не только с христианской догмой о природе Иисуса²⁸, но имеет свои корни также в древних мифологиях. Древние славяне, например, избирали из соплеменников особого человека: царя-жреца, который воплощал в себе мистическую связь коллектива с природой. Согласно славянским поверьям, эта связь была двусто-

²⁶ Кажется, что А. Платонов не имел в виду веры в конкретного бога, какого-то определённого вероисповедания, а, скорее всего, истину в универсальном смысле, т.е. истину бытия. Подход писателя к этому вопросу имеет характер более философский, чем религиозный.

²⁷ Н.В. Корниенко: «Симфония сознания» А. Платонова. Об источниках и комментариях текста. В кн.: *Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век*. Ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж 2001, с. 67.

²⁸ Догмат о двуединной природе Бога-Сына утверждался в течение длительного времени в ожесточенной церковной борьбе. Богочеловек — согласно христианской вере — это Бог, воплотившийся в человеке (Иисус Христос). См.: *Христианство. Словарь*. Ред. Л.Н. Митрохин. Москва 1994, с. 63.

ронней: человек зависел от сил природы, а жизнь природы зависела от физической мощи царя-жреца (богочеловека). Его бессилие и смерть грозили общине бедами. Поэтому, члены общины совершали ритуальное убийство царя-жреца в расцвете его жизненных сил. При появлении симптомов болезни или первых признаков бессилия богочеловека убивали, а его дух передавали могучему преемнику²⁹.

В образе Саши Дванова, Платонов воплотил идею богочеловека, непосредственно связанную с идеей об андрогене. Сама фамилия Саши указывает на двойственность его природы. Можем эту «двойственность» выяснить «зеркальным» соотношением с внешним миром, т.е. с Прошей Двановым, разделением в духовной природе Саши сердца и ума, и, наконец, гностическим мифом об андрогинии³⁰.

Миф об андрогене связан с идеей Бога как сферической полноты объединяющей в себе бинарные противоположности. Андроген — образец совершенного человека, которым был прачеловек (как отражение Бога) перед грехопадением. Его полнота включала в себе противоположности полов, т.е. объединяла то, что ныне называем женским и мужским элементом. Андроген, как совершенное, сферическое существо, является бисексуальным человеком. Бисексуальность как образцовое выражение творческой силы принадлежит божественным качествам³¹.

Николай Бердяев утверждал, что человек в будущем станет андрогеном, так как был ним и Христос. «Идти по стопам Христа» в этом отношении обозначает, становится, благодаря осуществлению науки Христа, человеком-андрогеном, похожим на ангелов. Это преображение может произойти только через объединение мужского и женского элемента в одном человеке. В мистицизме, одно из названий философского камня — *rebis*, т.е. двойственное существо (двувещь), или герметический андроген *rebis* взяла своё начало из соединения Солнца и Луны³².

Платонов в поисках идеального человека — героя, сначала создавал «нежные», почти женственные образы мужчин, таких как Саша Дванов, постепенно и параллельно, преображая их в образы «мужественных» решительных, женщин, таких как: Софья Александровна (*Чевенгур*),

²⁹ У. Вуйцица: *Из истории русской культуры*. Wydgoszcz 2002, с. 17.

³⁰ «Двойственность» природы Саши, А. Платонов определяет в романе следующим образом: «этот человек думает две мысли сразу и в обеих не находит утешения» (Ч, с. 274).

³¹ М. Eliade: *Sacrum, mit, historia. Wybór esejów*. Przeł. A. Tatkiewicz. Warszawa 1993, с. 233–236; М. Eliade: *Traktat o historii religii...*, с. 496–408.

³² Н. Бердяев: *Смысл творчества*. Москва 1916; Platon: *Uczta*. В кн.: Того же: *Uczta. Eutyfron. Obrona Sokratesa. Kriton. Fedon*. Przeł. W. Witwicki. Warszawa 1984. Платон также рассматривал идею андрогена как сферическое, бисексуальное существо. М. Eliade: *Sacrum, mit, historia...*, с. 224–225.

Босталоева (*Ювенильное море*), Фрося (*Фро*), Мария Нарышкина (*Песчаная учительница*) и т.д. Симптоматично то, что образы «мужественных» женщин в произведениях Платонова более убедительны и естественны для читателя, чем мужчин. Сам Платонов, по всей вероятности, пришёл к выводу, что образ сильной, решительной женщины более правдивый, чем образ мужчины с женскими качествами, который примыкает к пределу смежности. В творчестве писателя явно превалирует образ женщины — от верной спутницы героя, почти духовной спасительницы, к образу человека будущего.

Кстати, следует отметить, что образы андрогена часто связаны с образами воспоминаний детства, что, между прочим, зачастую наблюдается в характеристике платоновских героев. Детский мир представляется как мир чисто духовный, лишенный противоположностей³³.

Тема нового человека в романе *Чевенгур*, реализуется также в образе Симона Сербинова и Софьи Александровны. Это герои, которые наделены качествами, выделяющими их среди всех остальных героев романа. Они как люди будущего молоды, полны надежд, чувствительности, но они сироты. Их жизнь — это путь, ведущий к другим людям. Эти герои осмысливаются в романе в духовных соотношениях друг к другу. Соня и Саша Дванов не только похожи друг на друга, но их объединяет также особая духовная связь, не похожая на обычную любовь между мужчиной и женщиной. Они составляют духовное целое, и поэтому, как бы они далеко ни находились друг от друга, чувствуют своё взаимное присутствие в мире. Сербинов, в свою очередь, исполняет функцию звена соединяющего (в сюжетном плане) Сашу и Соню. Он «погибал» оттого, что был слабым человеком и не мог «себя сделать» (Ч, с.268). Поэтому Соня, как его противоположность, привлекла его той силой, в которой проявлялось «излишнее дарование жизни» (Ч, с.271). Соня заинтересовала его не как женщина, а как «чем-то счастливый» человек (Ч, с.266).

Знаменательно, что в Чевенгуре, ещё до прихода Дванова, Сербинов был «наполовину счастлив» (Ч, с.283), а общение с Двановым позволило ему встретить следующий день «счастливым человеком» (Ч, с.285). Следовательно, Сербинов нашёл то, что искал в жизни, т.е. дружбу, которую мог превратить в родственность (Ч, с.283). Итак, Соня и Саша, как одно целое, стали для Сербинова путём к счастью. Другое дело, что в идейной перспективе (которая в романе расчленяется на объективную и субъективную) личность Сербинова не оценивается положительно. Это вытекает из факта, что приобретение личного счастья человеком, не

³³ M. Eliade: *Sacrum, mit, historia...*, s. 249.

должно представляться главной задачей его жизни. В итоге, Александр Дванов и Софья Александровна смогли «давать» себя другим, сами «не нуждаясь в помощи» (Ч, с.268).

Софью Александровну можно воспринимать как двойника Александра Дванова в деле «умножения счастья жизни». Как большинство своих героев, Платонов подверг Сою метаморфозе из Сони в Софью Александровну. Таким образом она приобрела отечество совпадающее с именем Александра. Платонов выразительно выделяет момент достижения совершеннолетия так Александром Двановым, как и Софьей Александровной. На уровне текста это проявляется преобразованием имени: Саши в Александра Дванова, Сони в Софью Александровну. Саша стал Александром Двановым, когда отправился на фронт, т.е. начал свой самостоятельный путь. Соня стала Софьей Александровной через «наименование», «крещение» Александром Двановым, т.е. впервые это имя с отчеством появляется в мыслях Дванова: «При социализме Соня станет уже Софьей Александровной, подумал Дванов» (Ч, с.129).

Сама Соня как Софья Александровна появляется только в эпизоде московской встречи с Симоном Сербиновым. Первоначально она объявляется как какая-то загадочная, «странно-счастливая» женщина, имени которой мы не знаем. Здесь особо показательны семантические оттенки в именах Соня и Софья. Здесь замечается переход от идеи (на уровне сна) к мудрости, конечной цели совершенствования человека. Несомненно, её отчество является символическим подтверждением «родства» с Александром Двановым.

Нельзя, однако, не отметить некоторого превосходства Софьи Александровны над Александром Двановым. Показательно, что Дванов погиб, а она осталась в живых. Дванов нуждался в близости и теплоте (дружбе) других людей (поэтому они стали его первой идеей), для того, чтобы самому мочь её отдавать другим. Благодаря этим героям в романе начинает функционировать своего рода модель обмена положительной энергии — «теплоты». Софья Александровна, в свою очередь, могла давать «теплоту» другим, сама в ней не нуждаясь. Она отличается автаркизмом, обозначающим способность самореализоваться. Софья Александровна достигает того идеала, которому практически нет соответствия в романе *Чевенгур*. В ней было «излишнее дарование жизни» (Ч, с. 271), она оказалась для Сербинова тем «прекрасным человеком, о котором обещала музыка» (Ч, с.268), она была «исключительная» (Ч, с. 268), она «не погубила себя, а сделала» (Ч, с. 267). Надо при этом помнить, что Соня была сиротой (типом «прочей»), которую бросила мать сразу после рождения. Не случайно Сербиновым даётся высокая оценка этого персонажа: «Сербинов

представил её себе остатком аристократического племени; если бы все аристократы были такими, как она, то после них история ничего бы не произвела, — напротив, они бы сами сделали из истории нужную им судьбу» (Ч, с.267). Её качества незаурядности и совершенства дополняют и другие черты, выступающие в положительно начертанных персонажах романа: предание труду, сочувствие другим, внутренний покой и гордость, готовность жить и трудиться не для себя только, не для других (альтруизм), а со всеми и для всех³⁴. Ей свойственна «редкая гордость открытого спокойствия». Её отличала от других «замкнутость завершённой души, способной понять и безошибочно помочь другому человеку, но не требующая помощи себе». Софья Александровна описывается как «странно-счастливая женщина». Её счастье остаётся непонятым другими людьми и поэтому сравнивается в первом романе писателя с «одиноким стойким растением на чужой земле». Таким образом, А. Платонов подчёркивает, что таких людей в России пока нет.

В свете идеи об андрогене стоит подчеркнуть, что имя «Софья» схоже с греческим словом обозначающим мудрость — «софия». Следовательно, человеческое совершенство понималось как достижение внутренней гармонии. Мудрость обозначала объединение сферы ума, чувства и воли, приобретение цели и смысла жизни, при безусловном сохранении чистоты (детской). В конечном итоге, приобретение мудрости обозначало приобретение счастья человеком, т.е. полной гармонии.

Большинство исследователей, сходятся во мнении, что роман *Счастливая Москва* является продолжением разработки тех коренных вопросов человеческого бытия, которые были поставлены Платоновым в романе *Чевенгур*. Характерно, что в *Чевенгуре* писатель представил сам процесс строительства коммунизма, а в *Счастливой Москве* тех, которые победили и живут в «новом мире». Как утверждает Хели Костова, *Счастливая Москва* — одно из самых философских произведений Платонова, в котором писатель ставит вопрос о человеческой природе, о возможностях и правилах человеческого разума, отношениях природы и цивилизации, вечности и современности³⁵.

Можно предположить, что прообразом Москвы Честновой является Софья Александровна (*Чевенгур*), с тем, однако, уточнением, что

³⁴ Требование-лозунг «трудиться не для себя самого, не для других только, а со всеми и для всех», также как мысли о «соединении сердца, ума и воли», и о «превращении знания в дело» — это идеи Николая Фёдоровича Фёдорова, философа, который оказал огромное влияние на творчество А. Платонова на уровне поэтики и мировоззрения.

³⁵ Х. Костова: *Живое и неживое в романе А. Платонова „Счастливая Москва“*. В кн.: *Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век*. Ред. Е.Г. Мущенко. Воронеж 2001, с. 163–164.

в образе Москвы Честновой также можно заметить некоторые сходства с чевенгурской Клавдией. Кажется, что образ Москвы Честновой, это собирательный образ, который завершает творческий поиск и эволюцию Платонова-романиста.

Сходство Москвы Честновой с Софьей Александровной заключается, главным образом, в том, что они обе сироты, «прочие», живут в Москве недалеко от Москвы-реки, и обе бездетны. Для обеих связи с мужчинами имеют решающее значение (Софья — Саша Дванов, Москва — первый муж, Божко, Самбикин, Комягин, Сарториус) и определяют различия между ними. Саша Дванов оказал на Софью положительное влияние, благодаря нему Софья приобрела счастье и покой, сохраняя чистоту. Москва Честнова, наоборот, лишается этих качеств. В возрасте семнадцати лет Москва Честнова как и Софья, Александровна, была сильной, одинокой и странной: «...её руки томилась по деятельности, чувство искало гордости и героизма, в уме заранее торжествовала ещё таинственная, но высокая судьба³⁶. Однако, однажды «случайный человек» познакомился с Москвой и «победил её своим чувством и любезностью». Тогда Москва вышла за него замуж «навсегда и враз испортив своё тело и молодость» (СМ, с. 10). С тех пор главным качеством этой загадочной женщины стали сладострастие (Клавдия) и сочувствие (Софья).

В середине 1930-ых годов Платонов вплотную приблизился к проблеме поисков положительного героя и образца нового человека. Как на образец такого платоновского героя Кристофер Уокер указывает на Фросю Евстафьевну, главную героиню произведения *Фро*. По ходу статьи автор обращает внимание на ряд положительных качеств главной героини и в заключение приходит к выводу, что Фрося находится «на периферии» общества, в котором для неё нет подходящей роли. Однако самое важное качество нового героя — это обыкновенное таинственное и бесценное человеческое тепло, так как только такое тепло может согреть и ближнего, и дальнего³⁷.

Сопоставление этих двух произведений показывает, что образ Фро в значительной степени совпадает с образом Сони. Фро — девушка, которая обладает обыкновенным таинственным и бесценным человеческим теплом. Она судомойка (Соня работала чистильщицей машин) и «как старшая добрая сестра отнеслась к несчастному

³⁶ А. Платонов: *Счастливая Москв.* «Новый мир» 1991, № 9, с. 10. Все дальнейшие цитаты приводятся по этому изданию, в тексте, в скобках, указаны инициалы заглавия и номера страниц.

³⁷ К.Б. Уокер: „*Фро*” в контексте образа человека будущего. В кн.: *Осуществлённая возможность: А. Платонов и XX век.* Ред. Е.Г. Мущенко, Воронеж 2001, с. 93–98.

ребёнку — рабочему Павке»³⁸. Точно так же, в целом, отнеслась Соня к Сербинову. Фро находится «на периферии» общества, в котором для неё нет подходящей роли; Соня также выделяется из московской среды, а её роль в обществе также оставалась неопределённой (мы знаем лишь, что она трудилась на фабрике и «ожидала людей»). Обе «любили», но «ещё не рожали» (Ч, с.271).

Фро — рассказ, который имеет много общего также с романом *Счастливая Москва* и это сходство является последовательностью развития платоновского метасюжета. Фрося, а не её муж — молодой инженер-изобретатель, находится в центре сюжета. Она, как и Москва Честнова, живёт в «новом железнодорожном городе», ей 20 лет, она так же вдруг «удивилась среди столь странного света»³⁹, как будто простившись с мужем впервые увидела мир (как и Москва Честнова после рокового прыжка), изгоняла свою тоску в клубе, танцует с незнакомым мужчиной. Она способна к труду как физическому, так интеллектуальному и, прежде всего, её так же беспокоит тоска о человеческой «теплоте».

С другой стороны, в рассказе *Фро* Платонов развил ту идею, которая была им только намечена в *Счастливой Москве* — идею любви как сути платоновской «теплоты». Москва Честнова относится к Комягину как «древний ангел» хранитель, но она его любить не может из-за его слабости и пороков. Фрося, в свою очередь, идеальное отражение своего мужа Федора: «во многом она жила подражением своему мужу» (Ф, с. 556).

В образе Фроси Платонов поместил свои постоянные мотивы сердца, тоски, символику числа 2 и 3, на фоне постоянных образов неба, солнца, музыки, ямы и т.п. Но главное здесь, не только переведение акцента с образа мужчины на женщину, а изменение Платоновым идейного содержания слова «дело». Если раньше дело было присуще деятельности мужских героев, их физическому и умственному труду, то теперь «дело» означает жизнь, явной исполнительницей которой является Фрося: «Может быть, она глупа, может быть, её жизнь стоит две копейки и не нужно её любить и беречь, но зато она одна знает, как две копейки превратить в два рубля» (Ф, с. 567). Жизнь-дело, это любовь, о которой не надо говорить и восхищаться ей, а «делать» по-платоновски: «Фрося [...], взяла руки ребёнка в свои руки и стала любоваться музыкантом: этот человек, наверно, и был тем человечеством, о котором Федор

³⁸ Там же, с. 95.

³⁹ А. Платонов: *Фро*. В кн.: А. Платонов: *Избранные произведения. Рассказы (1921–1934)*. Москва 1983, с. 546. Все дальнейшие цитаты приводятся по этому изданию, в тексте, в скобках, указаны инициалы заглавия и номера страниц.

говорил ей милые слова» (Ф, с. 567). В итоге, только Фроси удалось превратить знание в дело и дело в жизнь.

Интертекстуальный диалог между платоновскими героинями показывает, что Платонов в своих поисках положительного героя, образца будущего человека, в конце приходит к откровению, что женщина может совмещать в себе главные положительные человеческие качества, т.е. теплоту и самопожертвование в любви. Именно на такое восприятие женщины указывает использование в текстах двух основных слов-ключей: «теснота» и «пустота».

Образ «нового человека» в творчестве А. Платонова является воплощением таких философских и мифологических представлений как идея андрогена, богочеловека и Христа. Любопытно, что писатель начал свои поиски с героев-мужчин, затем сконцентрировался на героях-парнях, указывая на их духовные метаморфозы, и в конечном итоге создал образ женщины обладающий чертами «древнего ангела». Мифологизм Платонова основан на дуализме, ведущим к единству и полноте через любовь. Идея Софьи тождественна любви и мудрости, она относится лишь к героям женского пола. Мужчина, в свою очередь, может обрести «сферическую полноту» (внутреннюю гармонию, счастье) только через женщину. Этот путь к откровению начинается с гармонического объединения разума и сердца, общего и индивидуального.

Anna Chudzińska-Parkosadze

THE SEARCHING FOR “THE NEW MAN”
IN THE PROSE OF ANDREI PLATONOV

Summary

The article deals with the issue of the evaluation of a hero in the works of Andrei Platonov. The analysis starts with the early work of this writer — *Markun*, then moves to his main novels — *Tchevengur* and *Happy Moscow*, and ends with the short story *Fro*. The author of the article came to the conclusion that A. Platonov used the mythological images of Christ as the androgen to construct the main heroes of his artistic work. He began his quest from a man-hero, then moved to young lads such as Sasha Dvanov, and resulted in young and strong women. The most emphasized characteristic of the latter is the capability of self-sacrifice. Platonov presented his heroes as philosophers searching for the true sense in life. Their images have some characteristics in common — background (all of them are orphans), personality (they are selfless, compassionate, persevering), and principles in life. However, the most crucial issue, that concerns Platonov’s heroes, is their relation towards the people. On the one hand, they are outstanding figures, “the chosen ones”, but, on the other hand, they preserve the bounds with their nation.

Anna Chudzińska-Parkosadze

POSZUKIWANIE „NOWEGO CZŁOWIEKA” W PROZIE ANDRIEJA PŁATONOWA

Streszczenie

Artykuł dotyczy ewolucji obrazu bohatera w utworach Andrieja Płatonowa. Analizę problemu otwiera portret bohatera wczesnego opowiadania Płatonowa *Markun*, następnie analiza koncentruje się kolejno na bohaterach powieści *Czewengur* i *Szczęśliwa Moskwa*, całość dopełnia krótkie opowiadanie *Fro*. Autor danego artykułu doszedł do wniosku, że Płatonow wykorzystał przy konstrukcji swoich bohaterów obraz Jezusa Chrystusa jako androgyna. Pisarz rozpoczął swe poszukiwania od wizerunku bohatera-mężczyzny, następnie skupił się na młodzieńcach typu Saszy Dwanowa, by dojść do wizerunku młodej i silnej kobiety. Najbardziej charakterystyczną cechą tych bohaterek okazuje się zdolność i gotowość do poświęcenia. Płatonow przedstawiał swych bohaterów jako filozofów poszukujących sensu życia. Obrazy tych bohaterów mają jednak wiele cech wspólnych: pochodzenie (wszyscy są sierotami), osobowość (są bezinteresowni, współczujący, wytrwali) i zasady, którymi kierują się w życiu. Niemniej najbardziej istotną cechą płatonowskich bohaterów wydaje się ich stosunek do ludzi. Z jednej strony są wybitnymi jednostkami, „wybrańcami”, a z drugiej — zachowują ścisły związek z narodem.